

Валентина Викторовна Руденко
Институт государства и права РАН
г. Москва, Россия
E-mail: emikh_valentina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6641-691X
Researcher ID: N-6495-2016
SPIN-код: 4985-2588

Политика памяти в документах стратегического планирования Российской Федерации

Аннотация. В статье проанализированы ключевые документы стратегического планирования на предмет полноты и достаточности регулирования реализации политики памяти в Российской Федерации. На основе проведенного анализа автор обозначает следующие проблемы. На законодательном уровне не сформулированы определения объектов правовой охраны в рамках политики памяти. Не сформирована институциональная основа реализации политики памяти. Не решенной остается проблема разграничения компетенции в области реализации политики памяти как между федеральными органами власти, так и между органами государственной власти и субъектов. Отсутствует четко оформленный в содержательном плане механизм реализации политики памяти, состоящий из конкретных мер и мероприятий. Проблематично отследить успешность реализации политики памяти. Остро стоит вопрос экспертно-аналитического сопровождения правовых решений по вопросам защиты исторической правды. Сделан вывод о целесообразности разработки и принятии Концепции политики памяти Российской Федерации, которая бы предусматривала: общие принципы осуществления политики памяти, права и обязанности органов государственной власти и субъектов в части реализации политики памяти, комплекс мер и мероприятий, направленных на защиту исторической правды, недопущение искажения исторической правды, конкретные меры ответственности; показатели реализации концепции.

Ключевые слова: историческая правда, стратегическое планирование, национальная безопасность, национальные интересы, суверенитет, историческое просвещение, образование, гражданская идентичность

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели

политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

В последние годы в дискурсе российских политиков на первый план вышла риторика укрепления государственного суверенитета, отстаивания национальных интересов, упрочения мировых позиций России, противостояния недружественным странам и территориальным образованиям. Ключевые смыслы описанных тенденций были заданы конституционной реформой 2020 г., в рамках которой была оформлена конституционная идентичность Российского государства, зафиксированы мировоззренческие основы, социокультурные ценности и политико-правовые идеалы, заложены ценностные ряды, фундирующие гражданскую и культурную идентичность. Такая модель конституции получила в научной доктрине название «социально-ценностной» (Хабриева 2021: 8), что подчеркивает институционализацию ценностных установок российских государства и общества.

Именно в ходе реформы 2020 г. категория «историческая правда» внедрена в конституционный текст и функция по защите исторической правды получила конституционное закрепление (ч. 3 ст. 67 Конституции¹). Конституционализация категории «историческая правда» влечет определенные юридические последствия: 1) историческая правда как ценность получает конституционно-правовую охрану; 2) статус конституционно-правовой ценности свидетельствует о том, что данная категория становится мерилом права; 3) Конституционный Суд может опираться на эту категорию для аргументации преваляирования тех или иных ценностей.

Для совершенствования нормативного оформления стратегических подходов к политике памяти в статье ставятся

¹ Конституция Российской Федерации 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 30.10.2024).

следующие задачи: 1) проанализировать роль документов стратегического планирования в формировании исторической политики; 2) оценить полноту и достаточность имеющегося регулирования; 3) предложить возможные пути совершенствования регулирования в этой сфере. Данные задачи решаются преимущественно в рамках политологических исследований (Миллер 2020; Русакова 2023; Фишман 2024), но юридические конструкции и терминология в этих случаях получают интерпретацию через специфическую оптику: так норма о противодействии государства распространению деструктивной идеологии квалифицируется как исключение не придерживающихся традиционных ценностей граждан из правового поля (Головашина 2024: 43), изучаются понятия «режим политики памяти» и «режим исторической памяти», но в ракурсе, отличном от привычного юристам понятия «правовой режим» (Русакова 2023) и др. Ввиду многоаспектности вопросов политики памяти только диалог исследователей способен обеспечить консенсус по реализуемым государством коммеморативным практикам.

Систематизированный документ стратегического планирования, который бы определил политику памяти в России, отсутствует – ее основы закладывает совокупность документов, разрабатываемых в рамках прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования, в том числе национальные проекты и государственные программы. В предлагаемой статье внимание уделяется документам, разрабатываемым в рамках целеполагания, включая послания Президента Российской Федерации, поскольку именно они формируют расстановку приоритетных задач и предлагают алгоритм их решения.

Наибольшее внимание вопросам защиты исторической правды уделяется Стратегией национальной безопасности². Анализируемый документ содержит п. 93, в котором задачи по защите исторической правды расположены в одном ряду с задачами

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

по защите традиционных ценностей. Это свидетельствует о том, что категория «историческая правда», хотя и не называется среди ценностей, закладывающих фундамент общегражданской идентичности, тем не менее связана с ними.

Защита исторической памяти, в соответствии с данным документом, осуществляется посредством постановки разноплановых задач, касающихся как исторической, так и моральной идентичности: укрепление гражданского единства, гражданского самосознания, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение самобытности российской нации; обеспечение преемственности в развитии государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории; сохранение преемственности поколений россиян; усиление в массовом сознании роли традиционных ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей; развитие системы образования как основы формирования социально ответственной личности; патриотическое воспитание граждан; укрепление культурного суверенитета; популяризация достижений российских деятелей в разных сферах; защита общества от внешней идейно-ценностной экспансии (п. 93). Анализ обозначенных задач говорит о том, что функция защиты исторической памяти реализуется посредством разнообразных мер в рамках идентитарной, языковой, миграционной политики, политики в сфере образования, спорта, культуры, политики по сохранению традиционных ценностей и других направлений политики.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года³ вводит дефиницию гражданского самосознания и задает модель солидаризированной общности с едиными ценностными основаниями, – российской нации. Точного перечня таких оснований Стратегия не предлагает, но, опираясь на текст, можно сделать вывод, что это патриотизм, единый культурный код, историческое и культурное наследие народов России, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость,

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

взаимопомощь, коллективизм и др. Ценностям исторической направленности в Стратегии также уделяется внимание. Среди таковых можно называть чувство гордости за историю России и уважение российской истории и культуры. Историческое наследие народов России лежит в основе гражданского единства и составляет часть единого культурного (цивилизационного) кода общества. Русский народ рассматривается в качестве системообразующего звена единения народов России. Первостепенная роль русского народа должна быть показана в рамках реализации политики памяти в образовании, спорте, науке и других сферах.

Термин «историческая правда» в Стратегии не используется, но меры реализации национальной политики в сфере укрепления гражданского единства российской нации и поддержки этнокультурного и языкового многообразия России связаны с политикой памяти. Примечательно, что анализируемая Стратегия была принята в 2012 г., когда были заложены основы современной политики памяти России, а именно: учреждены «Российское историческое общество» и «Российское военно-историческое общество», начата работа над проектом, в ходе которого появились тематические парки «Россия – моя история», появилась инициатива «Бессмертный полк» (Миллер 2020: 215). Показательно, что в том же году принят «закон об иностранных агентах»⁴. Данный акт значим для минимизации рисков иностранного воздействия на формируемые у граждан представления об истории России и о роли России в мировом развитии.

Исходя из толкования Стратегии, укрепление гражданского самосознания осуществляется, в том числе, на основе сохранения традиционных ценностей (п. 17 и п. 21.1). Успешность подобной тактики обусловлена универсальным характером большинства ценностей, представленных в анализируемых документах, в том числе в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (да-

⁴ Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Российская газета. 2012. 23 июля.

лее – Основы по сохранению традиционных ценностей)⁵. Среди таких ценностей – «жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение» (п. 5 Основ), то есть, это те ценности, которые не имеют привязки к конкретному государству. Именно моральная идентичность называется исследователями ядром идентичности личности (Atkins 2008: 65). Ее существенным плюсом выступает то, что она программирует ожидания граждан в отношении других граждан, составляющих нацию, то есть позволяет воспринимать других через призму моральной идентичности. Выбранная законодателем стратегия с учетом высокой степени универсальности специально отобранных ценностей представляется вполне оправданной.

Помимо моральных ценностей в гражданскую идентичность встроены ценности исторической направленности. Выбор ценностей подобного рода представляется заведомо проигрышным вариантом в стратегическом плане ввиду отсутствия комплексной целенаправленной деятельности со стороны государства в этом направлении в течение длительного времени. Кроме того, сама по себе историческая идентичность не может претендовать на универсальный статус в отрыве от других составляющих гражданской идентичности (Сыров 2023: 10). В то же время, формируя гражданскую идентичность, важно помнить об историческом контексте: текущий набор ценностей базируется на прошлых установках и нацелен на то, чтобы на их основе выстраивать будущее. Иными словами, включение данных ценностей в правовое поле имеет рациональное зерно.

В контексте исследования роли исторической правды и памяти в структуре гражданской идентичности на уровне документов стратегического планирования обращает на себя внимание проблема используемого в данных документах понятийно-категориального аппарата. Во-первых, многие термины не характерны для правовой науки и заимствованы из других социальных наук (гражданская идентичность,

⁵ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Сохранение законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

культурная идентичность, историческая память, традиционные ценности, патриотизм и др.). Во-вторых, далеко не все понятия имеют дефиниции (культурная идентичность, историческая память, историческая правда и др.), в связи с этим не ясно соотношение понятий. В-третьих, имеющиеся определения неоднозначны. Так, гражданская идентичность используется как синоним гражданского самосознания и понимается как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»⁶, то есть, по сути, в данном понятии смешиваются несколько видов идентичности, включая национальную и этническую. Возникает вопрос о том, насколько удачным является включение в государственную национальную политику концепта, относящегося к личности граждан, и поиске правовых средств воздействия на личность граждан. Обозначенная проблема понятийно-категориального аппарата нуждается в самостоятельном научном исследовании.

Историческая правда напрямую не названа среди традиционных ценностей. Вместе с тем, в качестве таковых указана историческая память и преемственность поколений. Историческая правда тесно связана с другими ценностями – в частности, с патриотизмом, гражданственностью, служением Отечеству и ответственностью за его судьбу. Преподавание отечественной истории в определенном ракурсе – инструмент воспитания патриотизма, гражданственности и солидаризации граждан. Вместе с тем возникает ряд неоднозначных вопросов: могут ли «историческая правда» и «историческая память» быть универсальными ценностями, присущими идентичности? Каково соотношение исторической правды, исторической памяти как конституционно-правовых ценностей и моральных ценностей? Какие юридические средства наиболее оптимальны для их универсализации? Каково соотношение свободы слова и исторической правды?

Представляется, что историческая правда может рассматриваться в качестве идеологемы, имплицитно присущей

⁶ Подп. «г» п. 4.2 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

гражданской идентичности, но для ее универсализации как ценности на государственном уровне должны быть выработаны официальные оценки знаковых для российской государственности событий. Именно школьное и вузовское образование, как правило, выступает основным проводником таких позиций. Вот почему чрезвычайно важно разработать научно обоснованную историософскую модель политико-правовых знаний и внедрить ее в когнитивные технологии формирования ценностей у целевых групп – школьников и студентов. Историческая память – это часть исторического сознания и общественного сознания в целом. В контексте гражданской идентичности историческая правда связана с сохранением исторического и культурного наследия народов России, преемственностью их исторических традиций. Память приобретает в некоторой степени прикладное значение, становится ресурсом для государственного строительства и повышения уровня общественного благополучия (Головашина 2024: 42). В основе формирования идентичности лежат традиционные ценности, но идентичность может включать и другие ценностные основания, не противоречащие российскому праву. Так, исследователи относят к таковым солидарность, соборность, народность, воссоединение соотечественников, доверие и другие (Семенова и др. 2023).

Значимым событием в свете актуализации вопросов политики памяти стало принятие в 2024 г. Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения⁷. Историческое просвещение отделяется от образования и определяется как распространение исторических знаний в целях формирования такого понимания прошлого, которое бы конституировало общегражданскую идентичность и коллективную историческую память. Такое определение вписывается в социально-ценностную модель действующей Конституции. В документе прослеживается след евразийской идеи о социально-политическом корпоративизме, о возможности реализации геополитического потенциала в пространственной системе России-Евразии.

⁷ Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утв. Указом Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2587.

Россия позиционируется как государство-цивилизация, сплотившее народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность. Задаются центростремительные векторы в рамках Союзного государства и СНГ на основе духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей в целях противодействия идеологической и информационной агрессии против России. Институциональной основной реализации выступают субъекты политики в области исторического просвещения и созданная в 2021 г. Межведомственная комиссия по историческому просвещению.

В посланиях Президента Российской Федерации после 2020 г. поднимается тема традиционных ценностей и содержатся указания на необходимые меры: отстаивание и защиту духовно-нравственных ценностей, коррекция учебников истории и повышение качества учебных курсов по истории и методических разработок, направление средств на обновление домов культуры и библиотек, музеев в сельской местности, противодействие фальсификации истории в контексте информационной войны, содействие развитию культуры во вновь образованных регионах⁸. Таким образом послания в формате стратегического планирования определяют дальнейшие векторы предстоящего развития Российского государства⁹.

Почти все рассматриваемые в статье документы упоминают историю-культурные ценности, в ряду которых значимое место отводится исторической правде. Защита данной ценности необходима для обеспечения национальной безопасности России. Защищая историческую правду, историко-культурные и духовно-нравственные ценности, государство обеспечивает единство нации. Вместе с тем, имеющееся регулирование не является достаточным для оформления политики памяти. На зако-

⁸Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 30.10.2024); Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 30.10.2024); Послание Президента Российской Федерации от 19.02.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения: 30.10.2024).

⁹Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. Ст. 15.

нодательном уровне не сформулированы определения объектов правовой охраны в рамках политики памяти России (нет определения понятий исторической правды, умаления подвига народа при защите Отечества, хотя отдельные составы правонарушений установлены, и др.). Также не прописана институциональная основа политики памяти: в ее реализации задействованы практически все органы исполнительной власти, но при этом координирующая структура не создана, нет непротиворечивого разграничения компетенции обозначенных органов (Елизаров 2014: 36), отсутствует четко оформленный механизм реализации политики памяти. Проблематично отследить эффективность реализации такой политики, поскольку показатели документов стратегического планирования предусмотрены лишь в отношении отдельных направлений политики. Остро стоит вопрос экспертно-аналитического сопровождения решений по вопросам исторической правды (Раттур 2024: 277).

Целесообразно для решения обозначенных выше проблем принять концепцию политики памяти, которая бы зафиксировала: принципы осуществления данной политики на территории страны и за ее пределами; права и обязанности органов публичной власти в ее реализации; меры по защите исторической правды, недопущению искажения исторической правды и разрушения исторической памяти; меры ответственности; мониторинг и показатели реализации Концепции. Историческую политику целесообразно нормативно определить как «совокупность действий, реализуемых субъектами государственной исторической политики, направленных на формирование и распространение в обществе официальных представлений об истории России, поддержку и развитие научных исследований в области истории России, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине». Концепция может быть принята Правительством РФ на основании общих полномочий по организации реализации внутренней политики, полномочий в области защиты семьи и детства, полномочий в области образования, науки и культуры¹⁰.

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 9 сент. Ст. 13, 15, 21.

Практика юридического оформления исторической политики посредством документов общего характера не получила распространения в мире. В государствах с романо-германской правовой системой, которые реализуют официальную государственную историческую политику, обычно такого рода политика оформляется несколькими законодательными актами по отдельным аспектам. Такой способ оформления получил распространение в государствах Европейского союза (например, Франция, ФРГ, Венгрия, Польша и др.), в латиноамериканских странах (Аргентина, Перу, Боливия и др.), Африки (например, Танзания) и в государствах-членах СНГ (Казахстан, Республика Беларусь и др.). Опыт по созданию документов общего характера проанализирован ниже.

Историческая политика, реализуемая европейскими государствами, содержательно отличается. Схематично данные отличия можно обозначить следующим образом: ядром исторической политики западноевропейских государств является факт признания Холокоста и ответственности за него, для восточноевропейских – необходимость преодоления последствий существования двух тоталитарных режимов – нацистского и коммунистического (Лифанов 2021: 80–85). В Королевстве Испания ядром исторической памяти является так называемый «Закон об исторической памяти», который признает права лиц, ставших жертвами преследований или насилия во время гражданской войны или диктатуры, и устанавливает компенсационные меры для таких лиц¹¹. Институциональную основу составляет Документальный центр исторической памяти, подведомственный Министерству культуры и спорта. В Республике Польша государственная историческая политика нормативно оформлена Законом 2016 г. о запрете пропаганды коммунизма или иных тоталитарных систем через названия организаций, подразделений, общественных зданий, сооружений и устройств, а также памятников¹²; Законом 2009 г.

¹¹ LEY 52/2007, de 26 de diciembre, por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la guerra civil y la dictadura. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).

¹² Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych,

о внесении изменений в Закон о пенсионном обеспечении профессиональных солдат и членов их семей и Законом о пенсионном обеспечении сотрудников полиции, Агентства внутренней безопасности, Разведывательного управления, Службы военной контрразведки, Центрального антикоррупционного бюро, Пограничной службы, Государственного бюро охраны, Государственной пожарной службы и пенитенциарной службы и их семей, который изменил систему выплат для лиц, поддерживавших коммунистический режим¹³; Уголовным кодексом, в который в 1998 г. были включены составы так называемых «коммунистических преступлений», и др. С 1999 г. функционирует Институт национальной памяти и Министерство культуры и национального наследия, а с 2020 г. – Институт наследия национальной мысли. С 2015 г. в политической повестке Польши фигурирует разработка Стратегии польской исторической политики. Исходя из стенограммы официальной встречи по разработке обозначенной стратегии (Бельведер, Варшава, 17.11.2015), данная идея коррелирует с необходимостью отстаивания ценностей польского народа¹⁴. Однако Стратегия так и не была официально принята.

На уровне Европейского союза предпринята попытка использовать повестку исторической памяти в качестве инструмента формирования общеевропейской идентичности. Изначально ставка была сделана на Холокост, который назван «уникальной исторической референтной точкой, которая

jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki (Dz.U. 2016, poz. 744).

¹³ Ustawa z dnia 23 stycznia 2009 r. o zmianie ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym żołnierzy zawodowych oraz ich rodzin oraz ustawy o zaopatrzeniu emerytalnym funkcjonariuszy Policji, Agencji Bezpieczeństwa Wewnętrznego, Agencji Wywiadu, Służby Kontrwywiadu Wojskowego, Centralnego Biura Antykorupcyjnego, Straży Granicznej, Biura Ochrony Rządu, Państwowej Straży Pożarnej i Służby Więziennej oraz ich rodzin (Dz.U. 2009, nr 24, poz. 145).

¹⁴ Zapis spotkania inaugurującego prace nad powstaniem Strategii Polskiej Polityki Historycznej w Belwederze. // URL: https://www.prezydent.pl/storage/file/core_files/2021/8/5/e283c89495b5691530c7545261aab539/zapis_spotkania_dot._strategii_polskiej_polityki_historycznej.pdf (дата обращения 04.11.24).

навсегда останется в памяти народов Европы»¹⁵. Затем в 2009 г. произошла переориентация на память жертв тоталитарных режимов¹⁶. Наконец, в принятой 17 января 2024 г. резолюции Европейского парламента «О европейском историческом сознании» предпринята попытка использовать вопросы памяти в качестве укрепления ценностных оснований Европейского союза. Резолюция знаменует переход от европейской «культуры памяти», которая по своей сути нисходящая и нацелена на определение того, что европейцы должны помнить, к восходящей и движимой гражданами «культуре памяти», основанной на общих европейских принципах и ценностях»¹⁷.

На постсоветском пространстве сходные с Россией тенденции в развитии законодательства по вопросам политики памяти наблюдаются в Республике Беларусь, где концепт исторической памяти включен в конституционный текст в 2022 г.: согласно ст. 15 Конституции «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны», а в ст. 54 указывается на то, что «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь»¹⁸. В 2022 г. создан Республиканский совет по исторической политике при администрации Президента Республики Беларусь¹⁹. Предприняты попытки официально закрепить историческую политику. В главе 12 «Сохранение национальных устоев и цен-

¹⁵ European Parliament resolution on remembrance of the Holocaust, anti-semitism and racism (2005, January 27). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2005-0018_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁶ European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism (2009, April 2). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁷ European Parliament resolution on European historical consciousness (2024, January 17). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁸ Конституция Республики Беларусь 1994 г. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁹ Распоряжение Президента Республики Беларусь № 22рп от 04.02.2022 «О Республиканском совете по исторической политике

ностей» Концепции информационной безопасности такая политика обозначена как элемент сохранения безопасности и указано, что она направлена «на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти»²⁰. На базе Института истории НАН Беларуси разработана Концепция истории белорусской государственности (Данилович 2018: 9-15), целью которой по сути является обоснование самобытности Белорусского государства и дистанцирование от России.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в мире опыт принятия актов общего характера, опосредующих историческую политику, не получил широкого распространения, представляется, что в России Концепция исторической политики как документа стратегического планирования может стать эффективным инструментом формирования гражданской идентичности и воплощения исторической памяти и правды как конституционно-правовых ценностей в правовой действительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Головашина О.В. 2024. «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 3. С. 38–54. DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_38

Данилович В. 2018. Концепция истории белорусской государственности // Наука и инновации. № 11(189). С. 9–15.

Елизаров В.Г. (сост.) 2013. О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России : сб. материалов / сост. В.Г. Елизаров. Москва : Изд. Совета Федерации. 99 с.

Лифанов С.С. 2021. Историческая память и наднациональная идентичность в западноевропейских государствах // Дискурс-Пи. Т. 18, № 4. С. 78–93. DOI 10.17506/18179568_2021_18_4_78

Миллер А.И. 2020. Политика памяти в стратегиях формирования национальных и региональных идентичностей в России: акторы, институты и практики // Новое прошлое. № 1. С. 210–217. DOI 10.18522/2500-3224-2020-1-210-217

при Администрации Президента Республики Беларусь». URL: https://president.gov.by/fp/v1/825/document-thumb_37825_original/37825.1643988447.61b64231b0.pdf (дата обращения: 04.11.2024).

²⁰ Постановление Совета безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 04.11.2024).

Раттур М.В. 2024. О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юридическая техника. № 18. С. 276–279.

Русакова О.Ф. 2023. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. Т. 20, № 1. С. 27–45. DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_27

Семенова Д.М. и др. 2023. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты / Д.М. Семенова, М.В. Афонин, С.А. Кудрявцев // Политконсультант. Т. 3, вып. 1. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).

Сыров В.Н. 2023. Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности // Tempus et Memoria. Т. 4, № 1. С. 6–14. DOI 10.15826/tetm.2023.1.040

Фишман Л.Г. 2024. Эпоха потрясений как шанс на объединяющую российскую идентичность // Антиномии. Т. 24, вып. 1. С. 39–52. DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_39

Хабриева Т.Я. 2021. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Т. 17, № 1. С. 6–12. DOI 10.12737/jflcl.2021.001

Atkins K. 2008. Narrative identity and moral identity: a practical perspective. New York : Routledge. 184 p.

Valentina V. Rudenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: emikh.valentina@mail.ru

Politics of Memory in the Strategic Planning Documents of the Russian Federation

Abstract. The article analyzes key strategic planning documents of the Russian Federation, including the addresses by the President to the Federal Assembly, in order to assess the adequacy and comprehensiveness of regulations governing the implementation of politics of memory in the Russian Federation. The analysis reveals several critical issues. Firstly, there is a lack of legislative definitions regarding objects of legal protection within the framework of Russia's politics of memory. Secondly, an institutional foundation for implementing this concept into memory policy remains unformed. Thirdly, the delimitation of competences related to politics of memory implementation – both among federal bodies and between the federal authorities of the Russian Federation and the constituent entities –

has not been resolved. Furthermore, there is no clearly defined mechanism outlining the content of memory policy, including specific measures and activities. As a result, tracking the effectiveness of the implementation process is challenging. The necessity for expert and analytical support for legal decisions related to the protection of historical truth is also pressing. The article concludes by recommending to develop and adopt a comprehensive concept of politics of memory, which should outline general principles for implementation of memory policy in the Russian Federation; the rights and obligations of federal and regional authorities; a detailed set of measures and activities aimed at protecting the historical truth and preventing its distortion; specific measures of accountability; and indicators to evaluate the concept's effectiveness.

Keywords: historical truth; strategic planning; national security; national interests; sovereignty; historical enlightenment; education; civil identity